
И. А. АВДЕЕВА

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭТИКА И ЛОКАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием глобальной этики. В частности, отмечается, что, несмотря на преобладающее отрицательное отношение большинства людей к эгоизму, именно версия «разумного себялюбия» может оказать существенную поддержку в борьбе за утверждение этики солидарности и сотрудничества. Кроме того, обосновывается как необходимость прозелитизма в нравственном воспитании молодежи, так и лидирующая в современных условиях роль этики в исторически сложившейся связке «этика – право».

Ключевые слова: глобальная этика, моральные нормы, общественная мораль, глобальное сообщество.

У глобального общества должна быть глобальная этика солидарности и сотрудничества – очевидная аксиоматичность этого утверждения обусловила целый ряд попыток построения (конструирования) так называемой глобальной (в других версиях – планетарной) этики. Набор ее принципов может варьироваться в достаточно широком диапазоне, однако в итоге под планетарной этикой понимаются «простые, общечеловеческие нормы нравственности, которые необходимо в сегодняшнем мире распространять всемерно и повсеместно»¹ или «фундаментальный консенсус по поводу императивных ценностей, незыблемых критериев и важнейших надежд личности»².

Оставив за рамками данной работы вопрос о «джентльменском наборе» принципов глобальной этики, следует подчеркнуть, что

---

¹ Нысанбаев А. Н. Основания планетарной этики в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/1046.pdf>

² Кюннг Х., Мюллер Д. Принципы формирования глобальной этики [Электронный ресурс]. URL: <http://ukrmonitor.ucoz.org/news/principyformirovaniaglobalnojehtiki/2010-09-08-3790>

необходимость императивности их позиционирования не вызывает сомнений: этические принципы, если уж считать их таковыми, должны отстаиваться в полном соответствии с древнеримским постулатом “*Dura lex, sed lex*”³. Моральный релятивизм перед лицом мировых проблем представляется недопустимой роскошью: возможный «глобальный» крах глобализованного сообщества не оставляет возможности для еще одной цивилизационной попытки.

Планетарная этика солидарности и сотрудничества, по мнению ее строителей (конструкторов), должна быть противопоставлена глобальному эгоизму, неизбежным следствием которого станет крах человечества; эта чеканная фраза скрывает другую очевидность: глобального эгоизма нет. Эгоизм, как правило, локален и чаще всего индивидуален.

Начав теоретически легализовываться в качестве одного из начал человеческой активности в эпоху Возрождения, укрепившись (опять же теоретически) в эпоху Просвещения и став одним из краеугольных камней построения общества тотальной конкуренции в XIX в., эгоизм тем не менее сохранил негативную ауру, определяясь, например, в христианской традиции в качестве одной из греховных характеристик человека. А учитывая, что именно христианская мораль преобладала на «массовом» уровне общественного сознания, сохранение негативных оценок любого эгоизма – от его крайних до «разумных» проявлений – не вызывает удивления.

Негативность массовой оценки обуславливает то, что большинство эгоистов вынуждено скрывать сей факт, не имея возможности противиться преобладающей на уровне общественного сознания максиме «эгоист – плохой». В этой локальности (разобщенности) и невозможности открыто объединиться кроется ахиллесова пята эгоизма – он всегда проигрывает (очень медленно, хотя и относительно) альтруистическому и вооруженному лишь общественным порицанием большинству. Неизбежность этого проигрыша очевидна, если сравнить современную торговую этику с торговой этикой, описанной в статье Г. Спенсера «Торговая нравственность», напечатанной в “*The Westminster Review*” в апреле 1859 г.⁴ Сегодня, по крайней мере в развитых обществах, нет оснований давать системе

---

³ Суров закон, но это закон (лат).

⁴ Спенсер Г. *Опыты научные, политические и философские*: в 3 т. – М., 1999. – Т. 3.

торговли таких убийственных характеристик: «...совершенно ошибочно довольно, однако же, распространенное мнение, что в обманных действиях повинен только низший класс торговцев. Выше их стоящие массы тоже в большинстве случаев несвободны от этого упрека. В среднем коммерсанты, ведущие торговлю тюками и тоннами, в смысле нравственности мало отличаются от тех, которые продают ярдами и фунтами. Высший класс нашего коммерческого мира обнаруживает в своей деятельности все виды незаконных действий, за исключением только простого воровства. Бесчисленные плутни, ложь в действиях или в речах, тщательно обдуманый обман господствуют в торговле; многие из них признаются в качестве “торговых обычаев”, и не только признаются, но даже и оправдываются»⁵. Более того, словосочетание «социальная ответственность бизнеса» сегодня по частоте упоминаний из разных уст вполне напоминает мантру и даже удостоилось отдельной статьи в Википедии.

Однако уже упоминавшаяся статья Г. Спенсера указывает на безусловную необходимость наличия этого самого большинства, которое формирует нравственность торговцев. В его отсутствие «те, которые не поддаются этой нравственной порче, часто рискуют при этом банкротством, а иногда даже наверняка к нему идут»⁶. И сегодня, в XXI в., это большинство востребовано не менее чем в XIX в.

Негативное восприятие эгоистов массами не дает им глобализироваться. Вторым не менее серьезным препятствием на пути глобализации эгоизма является его индивидуалистичность. Различие уровней действия солидарности и эгоизма, вероятно, было одной из причин, обеспечивших двум взаимоисключающим понятиям возможность длительного и относительно мирного сосуществования. Однако процессы глобализации привели к тому, что в современных условиях локальный (индивидуальный или групповой) эгоизм, слишком медленно проигрывая, может достаточно быстро породить негативные и необратимые глобальные последствия.

Ярким примером этого может служить общество потребления, которое с упорством, достойным лучшего применения, создавалось

⁵ Спенсер Г. Указ. соч. – Т. 3. – Гл. III. – С. 1038.

⁶ Спенсер Г. Указ. соч. – Т. 3. – Гл. III. – С. 1038.

на протяжении практически всего XX в.; его эффективное функционирование возможно лишь до тех пор, пока используются ресурсы, многие из которых являются невозполнимыми. Крах общества потребления, представляющийся неизбежным, повлечет за собой не восполнение этих ресурсов, а лишь глобальный кризис с трудно прогнозируемыми последствиями.

Впрочем, объявлять тотальную войну эгоизму на этом основании представляется неверным. Ни в коей мере не отрицая необходимости «отказаться от эгоизма и начать уважать слабых и обделенных...», к чему призывал папа римский Бенедикт XVI 25 декабря 2009 г., говоря о мировом финансовом кризисе 2008–2010 гг. в традиционном послании «Граду и миру»⁷, все же следует отметить, что эгоизм, особенно в версии «разумного себялюбия» французских мыслителей XVIII в., может стать союзником в борьбе за утверждение этики солидарности и сотрудничества. Ведь «естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени», как писал П. А. Кропоткин⁸. Как представляется, необходимость самосохранения может стать веским доводом в пользу необходимости принятия локальным эгоизмом глобальной этики.

«Эгоистическое» обоснование необходимости глобальной этики позволит не только состыковать разные уровни, но и даст возможность, а главное – время, привести в действие систему этического воспитания, о необходимости которого писал еще Платон в «Законах»: «Мы считаем человека существом кротким. Да, если его счастливые природные свойства надлежащим образом развиты воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божественнейшим существом. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это – самое дикое существо, какое только рожда-

---

⁷ «Кризис морали, более чем экономический, поразил мир», – сказал сегодня папа римский Бенедикт XVI в традиционном рождественском послании «Граду и миру» // Новая газета. – 2009. – 25 декабря.

⁸ Кропоткин П. А. Этика. – М., 1991. – С. 207.

ет земля. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало»⁹.

Учитывая современные проблемы глобализирующегося сообщества, очевидно, что нравственное воспитание должно происходить не миссионерскими, а скорее прозелитическими, то есть в данном случае более активными, наступательными методами в соответствии с известными строками советского поэта С. Куняева: «Добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно».

Наступательность (или даже агрессивность, если следовать рекомендациям С. Куняева) необходима не только в нравственном воспитании, но и во всей системе этики, созданной за многие века. Давно канули в Лету времена, когда категорический императив Канта мог позволить себе не спеша овладевать умами интеллектуалов, попутно «проникая» в сознание политических деятелей и общественных лидеров. Уже в 60-е гг. XX в. А. Печчеи, один из основателей Римского клуба, поднявшего глобальную проблематику, отмечал, что в современном коммуникационном океане «люди пребывают в постоянном недоумении, как уловить существенное, отбросить второстепенное и, наконец, как на основании всего этого прийти к разумным выводам, и к каким именно»¹⁰. И нет ничего зазорного в том, чтобы взять на вооружение его опыт позиционирования пределов роста, который базировался на заключении, что «воззвание Римского клуба произведет нужный эффект лишь в том случае, если оно будет представлено в какой-то новой, непривычной, образной форме. Это должно было напоминать лечение шоком»¹¹.

К сожалению, сегодня о наступательности нравственного воспитания речи не идет. Более того, трудно говорить о наступательности нравственности даже в профессиональной этике. Так, например, анализ уровня развития этики PR¹² позволяет говорить о том, что сегодня PR-специалисты (даже лучшие представители) действуют с позиций последовательного утилитаризма, описанного М. Вебером более 100 лет назад. В 1905 г. в работе «Протестант-

⁹ Платон. Законы. 765d–766a.

¹⁰ Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – С. 128.

¹¹ Там же. – С. 128–129.

¹² См. подробнее: Авдеева И. А. Этика PR: теоретико-философский анализ. – Тамбов, 2011.

ская этика и дух капитализма», анализируя этические воззрения Б. Франклина, он писал, что все они имеют утилитарное обоснование: «...честность полезна, ибо она дает кредит, также обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно поэтому и являются добродетелями. Из этого можно заключить, что там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность – ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина переизбыток добродетели – лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения... Для Франклина упомянутые добродетели, как, впрочем, и все остальные, являются добродетелями лишь постольку, поскольку они *in concreto* полезны данному человеку, и видимостью добродетели можно ограничиться во всех тех случаях, когда с ее помощью достигается тот же эффект»¹³.

Необходимость следования юридической максиме “*Dura lex, sed lex*” заставляет по-новому взглянуть на взаимоотношения и взаимообогащение этики и права.

Этика как практическая философия, предметом которой, по мнению Аристотеля, являются поступки людей, всегда находилась в тесной взаимосвязи с правом, предметом которого также являются те или иные человеческие отношения. Как способы регуляции человеческих отношений и мораль (собственно, предмет этики), и право формируются и складываются практически одновременно. Не случайно многие правила поведения людей в обществе с давних пор параллельно закреплялись как в этической, так и в правовой системах социума, а в наиболее ранних источниках, дошедших до нас, фактически сливались в единое целое. При этом возникающий синкретизм нормативной регуляции, подкрепленный в древнем обществе еще и религиозными императивами, оказывался в практическом плане достаточно эффективным и действенным.

Взаимосвязь права и этики в тот период являлась настолько тесной, что попытки определить ведущего и ведомого в этом тандеме представляются столь же неэффективными, как и знаменитый спор о курице и яйце.

---

¹³ Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 74–75.

Вместе с тем очевидно, что на протяжении истории и уже в наше время достаточно большое количество этических норм становилось нормами права или его источниками. Как представляется, ведущая роль права в современном этико-правовом тандеме обуславливается несколькими обстоятельствами: во-первых, усложнением жизни современного социума по сравнению с ветхозаветными временами, а во-вторых, еще и тем обстоятельством, что нормативные изменения в отношениях людей закрепляются сначала в неформальной сфере, какой является мораль, а затем часть из них находит формальное закрепление в праве. При этом этика в силу очевидных причин (к примеру, в силу всеобщего характера самой морали) оказывается гораздо оперативнее права, что и позволяет говорить о важнейшей роли первой в формировании современной этико-правовой системы. Проблема только в том, что правовое регулирование, несмотря ни на что, все же остается эффективнее и зачастую действеннее требований морали, что обусловлено предусмотренными для правонарушителей санкциями.

Современная этика, пытаясь вернуть себе в соответствии с вызовами нового века имя практической философии, должна «найти приемлемые решения современных и практически неотложных моральных проблем, что предполагает гораздо большее, чем простое осуществление некоторой философской процедуры, когда теория высокого уровня применяется к практике»¹⁴. А таковые решения по определению предполагают и механизм “*Peitsche und Zuckerbrot*”¹⁵. При этом, вероятнее всего, «кнут» не должен предполагать исключительно общественного воздействия, поскольку еще Гиппократ отмечал, что из-за невежества тех, кто занимается медициной, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, медицина «далеко ниже теперь всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно неотделимо»¹⁶.

¹⁴ Кэллахан Дж. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики [Электронный ресурс]. URL: <http://ethicscenter.ru/biblio/callahan.htm#ftnl#ftnl>

¹⁵ Кнут и пряник (нем.).

¹⁶ Гиппократ. Закон 1.

Сегодня, несмотря на достаточно разветвленную сеть разного рода профессиональных этических кодексов, их эффективность недостаточна даже по самым скромным оценкам. И это понятно – «А судьи кто?». Как представляется, ситуацию можно было бы исправить через создание внешних общественных организаций, выступающих в роли «авторитарной совести»¹⁷ Э. Фромма, которая являлась, по его мнению, «необходимым этапом в процессе эволюции человечества, прежде чем разум и свобода достигли такой степени развития, что стала возможной гуманистическая совесть»¹⁸. Организация подобного рода могла бы рассматривать не только (и не столько) вопросы этики PR, но и вопросы более широкого значения – этики бизнеса, профессиональной этики¹⁹.

Отвечая на новые вызовы, глобальной этике предстоит преодолеть и локальный эгоизм в собственных рядах – существование «чистой» этики (или, если хотите, этики ради этики) сегодня невозможно. Чтобы в современном обществе эффективно овладевать умами не только интеллектуалов и политиков, но и необходимого большинства, этика должна эффективно осваивать современные технологии, формы и методы работы, а этики, занимающиеся теорией, должны стать в первую очередь практиками.

Только так – через использование локального эгоизма во благо глобального общества, осознание новых условий взаимодействия этики и права, коренное изменение форм и методов нравственного воспитания – глобальные солидарность и сотрудничество станут возможны в глобальном обществе.

---

¹⁷ По Фромму, авторитарная совесть – «голос интернализованного внешнего авторитета», в отличие от совести «гуманистической» – собственного голоса, не зависящего от внешних санкций и одобрений. См.: Фромм Э. Человек для самого себя / Э. Фромм // Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С. 116, 126.

¹⁸ Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С. 131.

¹⁹ См. подробнее: Авдеева И. А. Указ. соч.